

Л. С. КОВТУН

О литературных источниках Азбуковников

(Книжный фонд Московской Руси
в представлении словарников этой эпохи)

В русской письменности XVI в. (в середине и на исходе его) были созданы три азбучных тезауруса. Тем самым возник новый словарный жанр, связанный в первую очередь с книгами переводной литературы XI—XV вв.¹ В заголовках созданные своды слов названы Алфавитами иностранных речей, реже Азбуковниками, Буквами.

Рассмотрение тезаурусов, т. е. словарных сокровищниц, где собраны с полей рукописей, извлечены из строк самих текстов глоссы шести веков, дает сведения о фонде читаемой в этот период литературы. Круг чтения предстает перед нами в том виде, в котором воспринимали его создатели упомянутых трудов древней лексикографии. Сказанное придаст данным, о которых идет речь, своего рода объемность, так как знакомит нас не только с книгами, ставшими литературными источниками Азбуковников, но и с теми, кто осуществил эту трудоемкую работу, а также и с теми, кто по этим книгам познавал веру и жизнь, словом, с ролью книг в обиходе человека Московской Руси.

В предисловиях к Азбуковникам подается совет, который теперь у иного может вызвать недоумение, а именно: при чтении книг Св. Писания усвоить и весь состав статей обширного свода глосс, чтобы непонятные слова не мешали верному пониманию мудрых мыслей библейских текстов. Ср.: «Но убо с прочими божественными писании от всякого чина, возраста и сана истини рачители, достоит вам и сии Алфавит навькнуги да возможете, яже во святых книгах иностранными глаголами положенныя рѣчи добръ навькнуги, да не вмѣсто свѣта тму и вмѣсто агньца волка примете» (текст старшего из трех тезаурусов по списку РНБ, О. XVI. 1. С. 136; в нем 2283 словарных статьи). Глагол «навькнуги» (с вин. пад.) применен в значении, известном древнеславянским трактатам ранней поры, а именно 'познать, изучить, проникнуть в суть чего-н.'. В Пандектах Антиоха XI в.: «Навькнуги вѣровъную тайну» (μαθεῖν) (Срезневский, Материалы. Т. 2. Стб. 271).

Создание в XVI в. обширных словарных сводов, таким образом, напрямую связано творцами нового жанра с библейской темой. Отсылки к Библии во всех трех Азбуковниках многократны. Тексты Св. Писания служат для составителей опорой, основанием тех или иных вариантов толкования. Глоссировка библейских книг вскрывает в них, причем с XI в., наличие различий, что находит в версиях богословов объяснение в неисчерпаемой

¹ См. Ковтун Л. С. Азбуковники XVI—XVII вв. (старшая разновидность) Л. 1989 (далее в тексте — Азб.-ки, 1989)

глубине текстов ветхозаветных и новозаветных книг. Библейские книги и образуют почвенную основу цельности и определенности всей системы литературных источников Азбуковников.

Отрывок из общего предисловия Азбуковников с трактовкой их главной функции был приведен здесь по тексту старшего из тезаурусов. Смысл этой выдержки предстанет еще и в ином свете, если к данному свидетельству добавить другое — из заголовка словарного свода. В новом языковом аспекте в нем опять-таки обозначена роль предлагаемого труда. Ср. «Книга глаголемая Алфавит, содержащая в себѣ толкование неудобь разумеваемых речей, иже обрѣтаются во святых книгах словенского языка иностранными глаголами положены» (Азб-ки, 1989. С. 141). Объектом филологических исканий лексикографов Московской Руси, как видим, был не язык оригиналов ветхозаветных и новозаветных книг, а язык их славянских переводов, именно этот язык (древнеславянский, церковнославянский) и был принят в ее письменной культуре в качестве языка высокой книжности, т. е. поставлен в ряд с древнееврейским, греческим и латинским. В текстах книг Св. Писания он обретал ореол святости. Цитаты из Библии в славянской передаче воспринимались как образцы, по которым следует сверять точность мысли и словоупотребления. Язык этот высок не особой стилистикой и поэтикой, хотя и та и другая присутствуют в нем, своеобразно проявляясь в разновидностях собранных в тезаурусах глосс, но прежде всего тем, что осознавался Св. Писанием, в котором воплощены божественная воля и разум.

Воздействие не только византийского православия, но и словарного опыта, воспринятого от греков, сказалось в самой структуре Азбуковников. Сходство материалов и приемов отработки яснее всего видно в старшем из трех тезаурусов. В части своих статей он представляет собой некий промежуточный тип. Труд, выполненный на Руси, концентрирует в своем составе показания глоссировки русских книг, но при этом не теряет связи с греческой ученостью, напротив, соотнобразится с ней. Данные по сопоставлению двух языков использованы в нем для трактовки особенностей того и другого. Таков характер статьи, сообщающей сведения и о самом слове «Библия», которое находим в звукобуквенном разделе, отведенном лексике с начальным «Б» (буки). Здесь этот термин приведен не с отсылкой к латинскому языку, а с объяснением, связанным с языком греческим. Хотя из всего явствует, что названный термин был освоен русскими в латинском обличии (библия из лат. *biblia*, от греч. βιβλίον), которое, по-видимому, и воспринималось исходным (впервые — в 1499 г., в записи об окончании работ по переводу ряда библейских книг с Вульгаты. См.: Срезневский, *Материалы*, Т. 3. Доп. Стб. 14.). Ср.: «Грецы глаголют вивлиос, — сказано в Азбуковнике, — понеже в греческой азбуцѣ словца, нарицаемаго буки нѣсть, и того ради вмѣсто буки полагают вита, еже есть вѣдѣ, и глаголют вивлия, еже бо вивли рѣчь есть греческа, по гречески бо вивлия, а по словенски книга» (статья 240). На поле — отсылка к статье 375: вивлия. книга (Азб-ки, 1989. С. 160, 168).

Указания на литературные источники в старшем тезаурусе, как и в двух других, даны на полях, отчасти в тексте статей. На боковом поле в нем приведены и соотносительные отсылки (от слова к слову или к ряду лексем). Те и другие — результат разработки сосредоточенных в тезаурусе материалов.

Указания нерегулярны. Так, из 54 статей раздела с начальной литерой «Б» лишь 8 снабжены справкой о тексте, с которым соотносимы их данные (истолкование понятия, описание реалии или вариант этимологии к библейской топонимике и ономастике, сообщаются те или иные подробности библейских сюжетов, сведения о иноверцах, сектах, язычниках и т. д.).

Справки об источниках предельно кратки, но очевидно, что они не вызвали никаких затруднений у лиц, начитанных в древней литературе. Тем же объясняется и краткость отрывков текста Св. Писания, приводимых в статьях тезауруса: достаточно было и фрагмента в несколько слов для того, чтобы в памяти возникал контекст, необходимый для понимания смысла сказанного. Ср. статьи с начальным «А» (аз): аггел — «вѣстник, вѣстницы аггели глаголются, понеже возвышают Божия хотѣния челоуѣком, наричет же писание и Христа-Бога аггелом, сириѣчь вѣстником, по реченному: и нарицается имя его велика совѣта аггел <...> возвѣсти бо нам божественая от Господа хотѣния» (статья 7) (Азб-ки, 1989. С. 141); архангел — «первыи вѣстником...». И далее: «земному бо миру обще имя челоуѣк <...> небесным силам — архангелом, и херувимом и серафимом — обще имя аггел, по реченному: хвалите его вси аггли его, рекше весь мир небесныи...». В конце пространной в этом случае статьи сказано: «яко же изъяснил о сем Дионисие ареопагит» (статья 9) (Азб-ки, 1989. С. 142).

Наряду с нерегулярностью справок об источниках в структуре старшего тезауруса просматривается еще одна, не менее характерная черта: справки такого рода в корпусе Свода размещены неравномерно. В одних буквенных разделах их больше, в других меньше, в третьих вовсе нет. Так, в литере «А» 232 глоссы, указания на источники даны в 55 статьях; в «Б»: 54 — 8; в «В»: 224 — 8; в «Г»: 94 — 27; в «Д»: 94 — 24; в «Е»: 137 — 3; в «Ж»: 7 — 2; в «С»: 2 — источника нет; в «З»: 23 — источника нет; в «И, І»: 100 — источника нет (отсутствуют на боковом поле, но изредка упомянуты в толкующей). Таковы показания Свода от начала до его середины. В завершающей части (К—Я) дело обстоит иначе, так как здесь представлены материалы, которые не подверглись редакции (Азб-ки, 1989. С. 81—105). В этой части вновь оказались справки об источниках, в то время как в срединной части Свода они крайне редки. К тому же общее число справок здесь заметно превышает число указаний в начальной части Свода. Данные относительно этого отсека словарного текста таковы: в литере «К» 260 глосс, указания на источники — в 114 статьях; в «Л»: 69 — 30; в «М»: 128 — 48; в «Н»: 66 — 24; в «О»: 68 — 32; в «П»: 179 — 69; в «Р»: 51 — 21; в «С»: 218 — 93; в «Т»: 99 — 47; в «У»: 40 — 15; в «Ф»: 80 — 21; в «Х»: 66 — 23; в «Ѡ» 10 — 4; в «Ц»: 7 — 2; в «Ч»: 19 — 7; в «Ш»: 10 — 3; в «Щ»: 7 — 2; в «Ъ, Ы, Ъ»: 3 — источника нет; в «Ю»: 7 — 4; в «Я»: 10 — 2.

Итак, завершающая часть Свода (К—Я) подробнее оснащена указателями литературных источников. При этом и глоссы в ней, как оказалось, сохранили свой первичный облик. В сочетании этих примет и в их взаимной связи различим изначальный смысл самого труда. Цель его, о чем говорилось, — устранить затруднения при восприятии текстов библейских книг. Сложности ощущались как при переводе их на славянский язык, так и в период длительного бытования в списках разных изводов (XI—XV вв.). К той же цели — облегчить понимание книг Св. Писания — направлены и приводимые в словаре соотнесения лексики книжнославянского языка. Отсылки от слова к слову в Своде — как в отношении текстов книг Ветхого и Нового Заветов, так и текстов памятников, оказавшихся в книжной культуре Московской Руси XV—XVI вв. своего рода спутниками Библии. Трагтя заложены в ней идеи, соприкасаясь с ее темами и сюжетами, они по-своему отразили духовный опыт, явления и события мирской и церковной жизни. Прямое воздействие на них библейской традиции тем не менее очевидно: при жанровых и стилиевых различиях им, как и другим памятникам древней (средневековой) литературы, свойственна общность миропонимания. Причина этой органической цельности в общей ориентации на Библию.

Текстовая лексикография в глоссах запечатлела историю словесной культуры древности. Библейские книги, особенно новозаветные, среди литературных источников Азбуковников занимают центральное место. Для решения (углубленной постановки) вопроса об источниках Азбуковников материалы Свода старшего из тезаурусов в его завершающей части наиболее показательны, но общие тенденции присущи всему тексту. Неоспоримы свидетельства пополнения состава статей Словаря при его копировании: новые поступления из числа глосс, найденных на полях рукописей, толкования, извлеченные из текстов сочинений при повторном их рассмотрении, тематические глоссарии и ономастиконы, доселе неизвестные составителям, этимологические разработки, объяснения символики, пословные переводы иноязычных реплик, а также и текстов молитв (писанных греком при обучении русских или при других обстоятельствах). Все это дописывалось в конце буквенных разделов (нередко и в начале их, если место, оставленное для добавок такого рода, было уже заполнено). Обновление состава Свода проводилось не раз и по всем признакам сопровождалось отработкой все более богатых фондов лексики. Осваивались смыслы и функции не только иноязычных слов, что необходимо подчеркнуть, так как славянские материалы Азбуковников все еще остаются в тени при более устойчивом интересе к их сугубо переводческой роли или их энциклопедизму. Между тем в Московской Руси сер. XVI—XVII в. славяно-русское направление лексикографии стало особенно оживленным и развивалось по преимуществу благодаря усилиям книжников, составляющих азбучные тезаурусы. В лексикографии восточных славян Азбуковники представляют собой специфически русское явление. Результаты деятельности словарников Московской Руси должны быть поставлены в ряд с признанными успехами в области славистики составителей Лексиконов Юго-Западной Руси Лаврентия Зизания (1596 г.) и Памвы Берынды (1627 г.), тем более, что в двух первых редакциях старшего Азбуковника, выполненных в середине XVI в., материалы из этих лексиконов еще отсутствуют.

Работы русских словарников несомненно содействовали развитию литературного языка славян. При отработке собранных толкований происходила оценка словоупотреблений, осмысление всего архаического и чуждого с нередкими заменами при раскрытии значения слов вариантами, освоенными в русской книжности к XV в. Славянский язык присутствует в Своде как в номенклатурной, так и в объяснительной части. Он представлен в глоссах и в типе древнеславянского (старославянского) и в типе церковнославянского языка русского извода. Есть среди глосс и включения народно-разговорного языка с чертами локального характера. Славянский язык проявил в толкованиях и свои функциональные типы. В значительной части глосс — это церковный язык специфической семантики и строгой регламентации разрядов наименований. В других он проявляет свойства книжнославянского языка с более свободными значениями, иногда и противостоящими церковным. В Азбуковниках славянский язык выступает и в роли координатора, соотнося упоминаемые в текстах названия чужеземных реалий со словами, обозначающими нечто сходное в действительности, привычной для читателей Сводов глосс, составленных в Московской Руси. Тот же язык в азбучных тезаурусах, о которых идет речь, служит и языком науки. И не только текстовой лексикографии, к числу выдающихся созданий которой принадлежат и сами эти труды, но и ряда других, в первую очередь философии (богословия) и филологии (лексической семантики). В Азбуковниках находим: языковедческие наблюдения, сделанные при переводе с языка на язык; факты проявления у слов нескольких, иногда и несходных, не соотносимых друг с другом «разумов» (значений); «внешние» и скрытые смыслы слов и

оборотов речи (образность, подтексты, символика); вариантность средств выражения, так называемые «произвольники», дающие возможность выбора точного соответствия переводчику, редактору, справщику (семантика, стилистика, риторика); разнобой в языковых терминах и следы формирования системности и т. д. Все эти ресурсы появились в результате процесса глоссировки, характерного для рукописной традиции древности.

Функции славянского языка в Азбуковниках в этом обзоре далеко не исчерпаны, но важно отметить, что все его роли выступают в них не изолированно, а комплексно, так как глоссы служат объяснению не только отдельных слов и фрагментов текста, но и заложенных в книгах общих идей. Они соприсутствуют при раскрытии, казалось бы, самых обычных «внешних» значений слов, при описании самых обыденных ситуаций.

В связи со сказанным понятна сложность (комплексность) и самого предназначения созданных в Московской Руси словарных сокровищниц. Цель тезаурусов на первом этапе (помимо изначальной — способствовать постижению текстов Св. Писания) — содействие пониманию многовекового фонда читаемой литературы, а также переводам книг и исправлению их (старший Азбуковник середины XVI в.) на новом этапе развития (труды, завершенные один вслед за другим в 1596 г.) — сохранение самой древней книжности как главного источника знаний и нравственного совершенствования (Азб-ки, 1989. С. 120). Составленные во второй половине XVI в., азбучные тезаурусы продолжали оставаться высшим типом древнерусской лексикографии и в XVII в. Азбуковники и появились в результате специфического осознания назначения русской книжной культуры, а также и роли литературного языка славян.

Библиографические данные старшего Азбуковника приведены в издании по списку первой редакции РНБ, О.XVI.1 (Азб-ки, 1989. С. 130—281). Ценной чертой другого из списков той же редакции (ГИМ, Увар., 311) является внимание копииста именно к этой стороне дела, что было замечено археографами. Подробный перечень литературных источников приведен в «Описании» собрания, в котором оказалась данная рукопись: «На полях киноварные ссылки, кроме книг Священного Писания Ветхого и Нового завета, на следующие книги: Максима Грека, Григория Богослова, Ефрема Сирина, Иоанна Екзарха, Иоанна Дамаскина, Дионисия Ареопагита, Иоанна Лествичника (Лествицу), Елифания Кипрского (Житие), Григория Акраганского, Григория Амиритского, Козьмы Индикоплова, Даниила (игумена), Евангелие Учительное, Матфей, Лука — толковые, Патерик, Патерик египетский, Палея, Пролог, Устав, Синоксарь, Постригален, Служебник, Чепь золотая, Житие Саввы сербского, муч<еника> Георгия Средецкого, Дмитрий Селунский, Рождество Богородицы, Слово Пречистыя Владимирския, жития: Иоанна Милостивого, Антония Великого, Онуфрия Великого, Марии Египетския, Афанасия Афонского, Петра Афонского, Феодора Студита, Симеона уродивого, Василия великого, Василия нового, мученицы Фотинии, муч<еника> Акепсима, из Хронографа: Царь Египетский, Царь Греческий, Царь Римский, Царь Русской, Апостольское хождение Иоанна Богослова (апокриф)»² (Азб-ки, 1989. С. 56). Ср. и перечень источников, проведенный по рукописи РНБ, О.XVI (раздел Свода с начальным «А»)³.

Анализ структуры Свода старшего тезауруса выявил, что обработка собранных ресурсов слов имела текстологический характер. Это и приводило нередко к указанию при словарных статьях двух или нескольких источни-

² Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания А. С. Уварова / Сост. архимандритом Леонидом М., 1894. Ч. IV

³ Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975. С. 248—250

ков, а также и к отсылкам к статьям, размещенным в других буквенных разделах. Ср.: «аруи ариси. звѣрь оряи, еже есть ноздророг, о сем сказано в букве, нарицаемей нать [на поле: ист. Козм. индик. ниж Н] [статья 96. С. 147]; ноздророг. ноздророг есть звѣрь, имат рога на губе и во всем приличен слону, имат же изсохши кожа его толщину 4 персты, от нея же еѣиопи в желѣза мѣста влагают в плуги и орют землю, и того ради своимъ языком наричют звѣрь он аруи оариси, рекше звѣрь оряи; толико же силен звѣрь он, яко и слону противится [ист. Козм. индик.] [статья 1358. С. 230]; весь. деревня, а не село [ист. Мар. 25, 27, то есть Ев-ие от Марка, зачало 25 и 27] [статья 305. С. 165]; голгоѡа. лобное мѣсто, лобное же наричется, понеже ту глава Адамля погребена; наричет же ся голгоѡа и кранивом мѣстом, рекше мѣстом мучения, понеже ту Господь нашъ Исусъ Христосъ нас ради волею муку претерпѣ [ист. Мар. 68, Ion. 60, Мао. 113]» [статья 415. С. 170] и др. Несколько источников или ряд словоупотреблений в одном из них находим также в статьях 427, 432, 443, 467, 526, 557, 934, 970, 978, 984, 1000, 1024, 1030, 1034, 1035, 1036, 1044, 1057, 1063, 1074, 1144 и мн. др.

В Азбуковниках соблюдены некоторые из принципов, вполне обоснованно принятые в современных текстовых словарях (типа «Материалов» словаря древнерусского языка И. И. Срезневского). В стремлении сохранить активность любого из списков памятника лексикографы приводят отдельные статьи на каждый из вариантов написания лексемы. Читатель словаря мог найти глоссу в том самом виде, в котором она встретилась ему в рукописной книге.

Вернемся к совету, поданному в предисловиях к азбучным тезаурусам («Но убо с прочими божественными писании <...> достоит вам и сии Алфавит навѣкнуги»), чтобы соотнести его не только со Словарем, но и с книгами, суть которых стремились постичь рачительные читатели. В чем состояло содействие лексикографического труда? Был ли плодотворным и сам метод собирания фонда глосс? Показательным примером могла бы стать любая из книг Писания. Остановимся на Апокалипсисе, так как это своего рода сгусток идеологии библейского цикла. По христианскому вероучению, автор книги Нового Завета Откровение (греч. ἀποκάλυψις) — апостол Иоанн Богослов. Помимо последнего из канонических Евангелий и Апокалипсиса ему принадлежат и три соборных послания.

Апокалипсис — произведение ранней греко-христианской литературы (I век н. э.). Текст его насыщен символами. В аллегорической форме в нем представлена борьба Христа и Антихриста, явившегося перед концом света. В книге говорится о людских грехах, о Страшном суде, о победе Христа над силами зла и о будущем, исполненном света и радости, — о Новом Иерусалиме. Все сочинения Иоанна Богослова — среди литературных источников Азбуковников. На Апокалипсисе сделаны отсылки в старшем из тезаурусов в семи случаях. Сокращение варьируется («апокали, апоксиа, апокалипс, апож»), даны разделы текста: 1 (статья 49), 1, 21, 22 (статья 50), 9, 116 (статья 191) (Азб-ки, 1989. С. 144, 145, 156, 265). В обилии тем выделены: Бог — слово — писание; свет веры, тьма и горечь неверия и идолопоклонства, светлое озеро (или река) и озеро огненное, объятые адским пламенем; неизреченное имя Божие (его раскрытие) и имена слуг дьявола. Эти глоссы уже многое раскрывают в тексте Откровения: «49. апокалепис, явление или откровение: 50. алфа и ѿ, начало и конец, по гречески бо азбучное слово начальное глаголется алфа, еже есть аз, а послѣдне словце в грѣческой азбукѣ большее ѡ (следует разъяснение формулы: первым азбучным словом прообразует Христа, первая суща божества ради, а последним словцем, еже ѿ, являет Христа

послѣднѣя челоувѣчества ради, ни начатка бо есть, ни Божию царствию будет кончина); 59. апсиноос, пельнок, рекше горесть пельни подобна; 143. авродитская, блудная: авродите есть на пятом поясе аерном звѣзда едина от седми звѣзд, нарицаемых планиты (*далее пространная статья, осуждающая астрологов, звѣздословцев*); 191. еврейски аввадон, а еллински аполион, латынски екстерминенс, толкуется аввадон по еврейски отец пагубѣ (*вслед дана статья 192. аполон. губителен*); 1145. река свѣтла, яко кристал, кристал есть камень видѣнием, аки лед усечен; 1975. титин, преисподний бѣс, нѣщии се имя мнят быти, еже пишет во апокалиписе число звѣрино, число челоувѣческо, и число его 666, и того ради полагают быти се имя титин, но о сем достоит с добрѣ вѣдущими совопрошатися» (Азб-ки, 1989. С. 144—265).

Приведенные глоссы легко дополнить теми, при которых назван иной источник, а также и глоссами, где нет указания на источник, но затронуты сюжеты, родственные Апокалипису. Ср., например, статьи 1093—1104, посвященные теме драгоценных камней, где в качестве источника упомянуто сочинение Епифания Кипрського (Слово о 12 камьку): «сардиос (сердолик), топазион, измарагд, анфракс, сапфир, аспис, иакинф, ахатис, фист (амеѠусии), хрусолит (хрусник), верилион, анухион». Символы 12 родоначальников племен Израиля и в то же время символы 12 апостолов — благовестников Нового Завета.

В статье 1486 псалтырь («во евреох бѣ сосуд древян и на нем бяху 10 струн...») трактуется, как и в Апокалиписе, тема духовного Израиля. Она завершена словами: «Давид богоотец Святым Духом направляем, вмѣсто еврейскаго древянаго псалтыря состави духовный псалтырь. сиирѣчь святую книгу, еже ныне непрестанно поется от православных христиан, еже суть мыслени еврѣе, сиирѣчь пришельцы, пришедшие от нечестия и от тмы идолобѣсия во свет богоразумия, еврѣе бо толкуются пришельцы» (Азб-ки, 1989. С. 237); ср. в статье 2146 «христос, помазанник (христи глаголются царие, иерее, мазаху бо ся святым маслом, от рога на главу изливаему...)» (Азб-ки, 1989. С. 273).

При соотношении с текстом Апокалиписиса особую рельефность и внутреннюю силу получают статьи, посвященные иконописи: 2242—2245. Словесные образы Откровения Иоанна Богослова и других книг Писания находят в символике икон свое изобразительное воплощение. Статьи даны в разделе с начальным «Ч» из-за их вопросно-ответной формы: «2242 в[опрос]: что ради пишется на иконах шествие Святого Духа: стоит человек старостию одержим в мѣсте темнѣ, и на нем риза червлена и венец царский на главѣ его, в руках своих имѣя убрус бѣл и в нем 12 свитков? От[вет]: челоувѣк есть весь мир, а еже старостию одержим, то суть престарѣлся Адамовым преступлением, а еже в мѣсте темнѣ, преже бяхе весь мир в неверии, риза же червлена — приношение к бесом кровных жертв, венец же царский на главѣ его, понеже царствоваше тогда грѣх в мире, а еже в руках своих имѣет убрус бѣл и в нем 12 свитков, то суть 12 апостол учения, ими же весь мир просветися» (Азб-ки, 1989. С. 277, 278).

Евангелие от Иоанна начинается с глубокомысленного: «Искони бѣ слово и слово бѣ от Бога и Бог бѣ слово», что имеет прямые связи и с текстом Апокалиписиса. В глоссах, которые почерпнуты из Евангелия от Иоанна, проходит тема предательства и смерти Иисуса. «ГавваѠа. мѣсто бѣ устроеное каменiem тесаным, еллински глаголемо лиоустротон [*статья 416*]; мнась, сребряник великий, талант именуется или златица, и имеет в себе мнас 100 драхм [*статья 1252*]; матизма, нешвеная Христова одежда, еже есть хитон, рекше срачица [*статья 1254*]; препруда, багряни-

ца, иже суть порфира [статья 1503]; сударь, саван или убрус, им же мертвых во гроб влагающе, лице закрывают [статья 1804]». В качестве литературного источника книга обозначена в статьях 247, 416, 1252, 1254, 1503, 1550, 1681, 1659, 1773, 1774, 1804, 1831, 1836, 1859, 1936, 2042, 2252. Иногда в сопровождении других книг Ветхого (статья 1252) и Нового Завета (статья 1254, 1503). В двух из статей очевидна связь с Апокалипсисом: «1550. пажить, по чювственному пажить толкуется поле злачно, рекше травное, потребно в пищу скотом, а по духовному пажить толкуется святая церковь, исполнена живоносного закона духовных словес; и паки пажить духовная, еже во царствии Божии праведных вѣчных благъ наслаждение» (Азб-ки, 1989. С. 240); «1859. снузницы, сопряженцы под един ярем» (Азб-ки, 1989. С. 259). В тексте Апокалипсиса с этимологически прозрачным значением по сей день применимы слова *сотрудники*, *сослуживцы*, *соучастники*. Отработка языка, как видим, шла не менее интенсивно, чем труды по усвоению богословских догм.